

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МОРФОСИНТАКСИСЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ШТОКАВСКИХ ДИАЛЕКТОВ В АЛБАНИИ (ШИЯК И МЮЗЕКЕЯ) И СЛАВЯНО-АЛБАНСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ КОНТАКТ*

Максим Максимович Макарцев

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук;
научный сотрудник,
Институт славистики,
Университет им. Карла фон Осецкого
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия;
Аммерлэндер Хеерштрассе, 114-118,
Ольденбург, 26121, Германия
Электронный адрес: maxim.makartsev@
uni-oldenburg.de
ORCID: 0000-0002-0820-3238

Наталья Игоревна Кикило

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук;
ассистент,
Институт русского языка,
Российский университет дружбы народов
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия;
ул. Миклухо-Маклая, д. 6,
Москва, 117198, Россия
Электронный адрес: kikilo.natalia@
gmail.com
ORCID: 0000-0002-2151-6634

Аннотация

Статья вводит в научный оборот материалы малоописанных переселенческих штокавских диалектов в областях Шияк (г. Дуррэс) и Мюзекея (г. Фиер, сс. Рет-Либофша, Хамиль и др.), собранных в лингвистической экспедиции в июле-августе 2021 г. Родинной потомков-переселенцев славян-мусульман Мюзекея считается область Санджака (гг. Нови-Пазар, Тутин и Сьеница, совр. Р. Сербия), в которой распространены новопазарско-сьеницкие диалекты штокавского наречия. Славяне-мусульмане области Шияк (сс. Бораке и Коджас) переселились в Албанию из окрестностей Мостара (совр. Босния и Герцеговина), их материнский ареал располагается вдоль р. Неретвы (в основном к востоку от последней: диалекты Центральной Герцеговины) между младшими икавскими и восточнобоснийскими диалектами. Длительный, на протяжении нескольких поколений, контакт с албанским языком, усиленный социальной мобильностью в результате общественно-политических изменений в Албании в 1990 г., привел к ряду количественных и в меньшей мере качественных изменений в рассматриваемых диалектах на разных языковых уровнях. Поскольку албанский язык входит в балканский языковой союз, некоторые из этих изменений поддерживают балканизирующие процессы в структуре диалектов. Материал экспедиции точно показывает признаки анализации их морфосинтаксической / синтаксической системы (в именной группе превалирование предложно-падежного способа выражения значений над беспредложным, редукция инфинитива, местоименная реприза дополнения и др.), которые связаны с албанским контактным влиянием. В статье также описываются принципы сбора материала и тематика этнолингвистических опросников. В приложение включены примеры диалектных записей.

Ключевые слова

Южнославянская диалектология, новопазарско-сьеницкие диалекты, младшие икавские диалекты, восточнобоснийские диалекты, центральногерцеговинские диалекты, переселенческие диалекты, языковой контакт, балканский языковой союз, морфосинтаксис, корпусная лингвистика

* Статья подготовлена в рамках гранта Немецкого научного общества «Kontaktinduzierter Sprachwandel in Situationen des nicht-stabilen Bilinguismus — seine Grenzen und Modellierung: slavische (soziale) Dialekte in Albanien» (Deutsche Forschungsgemeinschaft, GZ: MA 8750/1-1).

Статья поступила в редакцию 15 июня 2022 г.

Цитирование: *Макарцев М. М., Кикило Н. И.* Некоторые тенденции в морфосинтаксисе переселенческих штокавских диалектов в Албании (Шияк и Мюзекя) и славяно-албанский языковой контакт // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 120–141. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.07>

SOME TENDENCIES IN THE MORPHOSYNTAX OF THE MIGRATIONAL SHTOKAVIAN DIALECTS IN ALBANIA (SHIJAK AND MYZEQE) AND SLAVIC-ALBANIAN LANGUAGE CONTACT

Maxim M. Makartsev

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences;
Researcher,
Institut für Slavistik,
Carl von Ossietzky Universität
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia;
Ammerländer Heerstraße, 114-118,
Oldenburg, 26121, Germany
E-mail: maxim.makartsev@uni-oldenburg.de
ORCID: 0000-0002-0820-3238

Natalia I. Kikilo

Ph. D., Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences;
Assistant,
Institute of Russian Language,
RUDN University
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119991, Russia;
Miklukho-Maklaya Street, 6,
Moscow, 117198, Russia
E-mail: kikilo.natalia@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2151-6634

Abstract

This article puts into academic circulation the materials of the little-described migrational Shtokavian dialects in the Shijak (Durrës) and Myzeqe (Fier, the villages of Rreth Libofsha, Hamil, etc.) areas collected during a linguistic expedition in July and August 2021. The Sandžak region (Novi Pazar, Tutin and Šjenica, modern Republic of Serbia), where the Shtokavian Novi Pazar-Šjenica dialects have been traditionally spoken, is considered a homeland for the descendants of the Myzeqe Muslim Slavs. The Muslim Slavs from the Shijak region (Borake and Koxhas villages) migrated to Albania from the vicinity of Mostar (modern Bosnia and Herzegovina). Their linguistic origin is from Central Herzegovinian dialects (mostly to the east of the Neretva River) between the younger Ikavian and Eastern Bosnian dialects. The generations-long contact with the Albanian language intensified as a result of increased social mobility resulting from socio-political changes in Albania in 1990. These changes led to a number of quantitative and, to a lesser extent, qualitative changes in the migrational dialects at different language levels. Since the Albanian language is a part of the Balkan sprachbund, some of the changes support balkanizing processes in the structure of the dialects. Our material shows some signs of analytisation in the morphosyntactic / syntactic system (the prevalence of prepositional phrases over bare cases, infinitive reduction, clitic doubling, etc.), which are associated with Albanian contact influence. The article also describes the principles we adhered to when collecting linguistic data, as well as the topics of ethnolinguistic questionnaires. Examples of dialect recordings are included in the appendix.

Keywords

South-Slavic dialectology, Novi Pazar-Šjenica dialects, Younger Ikavian dialects, Eastern Bosnian dialects, Central Herzegovinian dialects, migrational dialects, language contact, Balkan sprachbund, morphosyntax, corpus linguistics

Received 15 June 2022

How to cite: Makartsev, M. M., Kikilo, N. I., 2022. Nekotorye tendentsii v morfosintaksise pereselencheskikh shtokavskikh dialektov v Albanii (Shiiak i Miuzekeia) i slaviano-albanskii iazykovoi kontakt [Some Tendencies in the Morphosyntax of the Migrational Shtokavian Dialects in Albania (Shijak and Myzeqe) and Slavic-Albanian Language Contact]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (1–2), pp. 120–141. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.1-2.07>

Введение

Славянские диалекты Албании имеют гетерогенный характер как в горизонтальном, так и в вертикальном плане. Области компактного расселения носителей этих диалектов разделяются на «автохтонные», или существующие не меньше двух сотен лет и продолжающие соответствующие ареалы по другую сторону современной границы (Гора, Поле, западный и южный берег Охридского озера, Преспа, Корчанская долина¹, Девол), и переселенческие (восточный берег Шкодранского / Скадарского озера², сс. Бораке и Коджас в области Шияка под г. Дуррэс, а также сс. Рет-Либофша, Петова, Хамиль и некоторые другие в Мюзекее в районе г. Фиер). Значительные славяноговорящие сообщества, куда входят уроженцы разных компактных сельских ареалов, сформировались в последние 70–80 лет в албанских городах (столица страны Тирана, крупнейший портовый город Дуррэс, Корча, Эльбасан³ и т.д.)⁴ в результате индустриализации и урбанизации. В вертикальном плане гетерогенность перечисленных языковых сообществ задается наличием большого количества двуязычных говорящих с разным соотношением славянского диалекта и албанского языка; владением и частотой употребления соответствующего стандартного славянского языка (болгарского vs македонского, различных постсербохорватских стандартов), контактом с носителями других славянских диалектов и языков в Албании (и других государствах). Индивидуальные языковые биографии имеют еще более сложный характер и определяются кругом общения (с учетом возможностей интернета не всегда ограниченным одним населенным пунктом или одной страной), сильными / слабыми связями,

¹ В 2010–2020 гг. М. М. Макарецеву не удалось найти в с. Дренова ни одного носителя автохтонного юго-восточного македонского диалекта. Трое носителей в 2020 г. еще проживали в г. Корча. Последняя носительница диалекта в с. Бобоштица умерла в 2020 г.

² Современное славянское население этого региона (также известного под названием *Врака*) не связано со средневековым и восходит к первым переселениям с разных территорий современной Черногории, которые по всей видимости, происходили в конце XVIII — начале XIX века, см. *Steinke K., Ylli Xh. Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). München: Otto Sagner, 2013. Teil 4: Vraça — Borakaj. S. 9–10* (там же см. библиографию, с. 209–212). Эти переселения — как массовые, так и индивидуальные, например, при вступлении в брак — продолжались как минимум до Второй мировой войны, как отмечают К. Штайнке и Д. Юллы и как можно судить по данным нашего предварительного обследования региона в июле 2021 г. В то же время значительное диалектное разнообразие переселенцев и отсутствие единого материнского ареала привели к большому разнообразию современной славянской речи Враки.

³ *Макарецев М. М. Язык славян-мусульман Эльбасана: постановка вопроса // Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность / отв. ред. Е. С. Узенева. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 197–214.*

⁴ А также вне Албании в западноевропейских государствах (Великобритания, Германия, Греция, Италия).

карьерой (на протяжении жизни носители славянских диалектов могут длительное время — десятилетия — проводить в других странах, на пенсии возвращаясь домой), как мы бы планировали показать дальше.

Комплекс проблем, связанных со славянскими сообществами Албании, находится в центре внимания научно-исследовательского проекта *Kontakt-induzierter Sprachwandel in Situationen des nicht-stabilen Bilinguismus — seine Grenzen und Modellierung: slavische (soziale) Dialekte in Albanien*, поддержанного Немецким научным обществом в 2019–2022 гг. (руководитель — М. М. Макарец). Проект опирается на диалектологические исследования славянских сообществ Албании (из последних по времени публикаций отметим четырехтомную монографию К. Штайнке и Д. Юллы «Славянские меньшинства Албании» и коллективную монографию под редакцией А. Н. Соболева и А. А. Новика «Голоборда»⁵, в которых содержится также библиография по теме), однако в центре нашего внимания (социо)лингвистическая проблематика (языковое варьирование и его социолингвистические параметры), которая дополнена этнолингвистическим описанием традиционной духовной культуры сообществ.

Постоянное влияние со стороны албанского языка, гибридные явления в речи, языковое выравнивание у носителей разных славянских диалектов, индивидуальные особенности языковой биографии приводят к значительному варьированию в славянской речи Албании. На одном краю вертикального континуума располагаются одноязычные носители территориальных славянских диалектов, всю свою жизнь находящиеся внутри соответствующего языкового сообщества, на другом — носители соответствующих стандартных языков. Для мезолектных языковых разновидностей характерны разные результаты языкового выравнивания и ряд гибридных явлений, связанных с албанским языком.

Основной инструмент проекта — создаваемый языковой корпус славянских диалектов Албании (как в местах компактного расселения, так и в городах), который позволит сочетать диалектологические и социолингвистические методы анализа. Это преследует следующие основные цели: 1) приближенное к целостному описание языковой ситуации в славянских языковых сообществах Албании; 2) описание редкой ситуации языкового контакта между структурно близкими, но генетически далекими албанским стандартным языком (и его территориальными диалектами) и славянскими диалектами Албании⁶ с учетом гетерогенности последних. С точки зрения

⁵ *Steinke K., Ylli Xh.* Die Slavischen Minderheiten in Albanien (SDA). München: Otto Sagner, 2007–2013. Teil 1. (2007): Prespa — Vërnik — Boboshtica; Teil 2. (2008): Golloborda — Herbel — Kërçishti i Epërm; Teil 3. (2012): Gora; Teil 4. (2013): Vraka — Borakaj; Голоборда (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ, 2008–2013 / под ред. А. А. Новика, А. Н. Соболева. СПб.: Наука; München: Otto Sagner, 2013.

⁶ Албанский язык < албанская группа < индоевропейская языковая семья; восточно- и центральноюжнославянские (штокавские) диалекты < славянская группа < индоевропейская языковая семья.

структуры славянские диалекты Албании делятся на две основные группы: с одной стороны балканославянские (западномакедонское наречие: Гора⁷, Поле, Голоборда, западный и южный берег Охридского озера, Преспа; юго-восточномакедонское наречие: Корчанская долина и Девол), с другой — не-балканославянские штокавские (восточный берег Шкодранского озера и переселенческие диалекты Мюзекя и области Шияка). В типологическом плане балканославянские диалекты исходно ближе к албанскому, чем штокавские.

Контактоиндуцированные изменения в славянских диалектах Албании вызывают конвергенцию славянской морфологии, морфосинтаксиса и синтаксиса с албанской языковой системой, затрагивая в том числе и те области, которые в других балканских языках устойчивы к иноязычному влиянию (например, глагольный вид⁸). Штокавские диалекты Албании занимают особое место в нашем исследовании, поскольку в них албанское влияние может развиваться и усиливать балканизирующие тенденции (напр., редукцию инфинитива⁹ и склонения), сближая их с балканославянскими диалектами. Иными словами, штокавские диалекты Албании представляют собой «лингвистическую лабораторию»¹⁰, позволяющую частично реконструировать процессы балканизации на материале южнославянских диалектов небалканского типа.

Записи славянских диалектов Албании представляют интерес не только с точки зрения языка. Работа в рамках проекта подразумевает также изучение ряда этнолингвистических тем, что позволяет описать духовную культуру этого периферийного региона на балканском, южнославянском и общеславянском фоне в русле Московской школы этнолингвистики.

Проект предусматривает сбор материала у носителей славянских диалектов Албании по следующим основным направлениям:

1. Структурированные интервью:

- а) этнолингвистические опросники: по календарной и семейной обрядности, а также мифологии¹¹; по представлениям, связанным с луной

⁷ Ряд черт объединяет диалекты Горы с северомакедонскими и призренско-тимокскими.

⁸ Макарец М. М. Глагольный вид в македонском диалекте Бобоштицы-Дреновы и албанско-славянские контакты // *Biblioteca di Studi Slavistici* (в печати).

⁹ Makartsev M. Infinitive reduction in a migrant Shtokavian dialect in Albania: Language contact supporting Balkanization // *Linguistica Copernicana*. 2021. № 18. S. 45–60. <https://dx.doi.org/10.12775/LinCop.2021.003>

¹⁰ Schirmunski V. Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten // *Germanistisch-Romanische Monatsschrift* 1930. № 18. S. 113–122; 171–188.

¹¹ Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2009; с некоторыми уточнениями по Новик А. А., Резван Е. А. Ислам на Балканах: учебное пособие. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2019. Ч. 1: Обряды перехода и семейная обрядность: рождение, обрезание.

в традиционной духовной культуре¹²; этнолингвистический опросник по традиционным представлениям, связанным с кукушкой¹³;

- б) элицитация языкового материала: запись связанного нарратива по графическому опроснику *Frog where are you*¹⁴;

2. Полуструктурированные интервью: запись нарративов и меморатов из личной истории информантов об устной истории сообщества и его современном состоянии, запись фольклорных текстов и нарративов, посвященных традиционной культуре;

3. Так называемые семейные интервью: информанты после проведенного нами инструктажа записывают свои разговоры с родственниками и друзьями самостоятельно, без участия исследователя¹⁵. Ценность этих материалов — в их лингвистической форме, это спонтанная речь, порождаемая без участия исследователя в условиях, максимально приближенных к естественным¹⁶. Предварительные наблюдения над этими материалами показывают их качественные и количественные отличия от структурированных и неструктурированных интервью. В семейных интервью, насколько можно судить по расшифрованным на настоящий момент записям, значительно шире представлены гибридные языковые явления, а переключение кодов значительно чаще.

Этические принципы сбора и обработки материала следуют положениям, сформулированным У. Лабовым, с некоторыми уточнениями в соответствии с принятой в немецких исследовательских организациях практикой¹⁷. Если мы вели интервью сами, то объявляли, что ведется запись, и заручались письменным (по возможности) или устным согласием людей, чьи голоса звучат на записи. Мы задавали вопрос о том, можно ли записывать, уже включив диктофон; если такое разрешение не давалось, то запись не велась. Для записи семейных разговоров мы просили наших информан-

¹² Рукопись опросника подготовлена О. В. Чёхой, его основные принципы отражены в автореферате ее кандидатской диссертации: *Чёха О. В. Новогреческая лексика народной астрономии в сопоставлении с балканославянской: Луна и лунное время (этнолингвистический аспект): автореферат дис. ... канд. фил. наук. М., 2009.*

¹³ Опросник не опубликован, некоторые его принципы отражены в работе: *Макарецев М. М. Этюды к балканскому бестиарию: кукушка // Живая старина. 2017. Т. 95. № 3. С. 46.*

¹⁴ *Mayer M. Frog, where are you? Sequel to A boy, a dog and a frog. New York: Dial Books for Young Readers, 1969.*

¹⁵ См. описание метода в: *Hentschel G., Zeller J.-P. Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien // Wiener Slawistischer Almanach. 2012. № 70. С. 127-155.*

¹⁶ В продолжение принципов, изложенных У. Лабовым, см.: *Labov W. Field methods of the project on linguistic change and variation // Language in use: Readings in sociolinguistics / ed. by J. Baugh, J. Sherzer. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1984. P. 28-53.*

¹⁷ *Ibidem; Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Ethics guidelines. [Online]. URL: <https://www.eva.mpg.de/linguistics/past-research-resources/resources/ethics-guidelines/> (Accessed: 17.12.2021).*

тов делать то же самое. Кроме того, речь информантов анонимизирована; если в интервью упоминалась личная информация (любая информация, которая может быть использована для установления личности информанта), она не расшифровывалась¹⁸. Семейные разговоры, как потенциально наиболее чувствительный материал, расшифровывали сами информанты, проводившие запись, и они принимали решение, следует ли исключить какие-то фрагменты¹⁹.

Экспедиция 2021 г. и социолингвистические сведения о славянских сообществах в Мюзекее и области Шияка

Проект частично опирается на материал, собранный М. М. Макарецвым в славянских сообществах Албании в 2010–2019 гг. В июле — августе 2021 г. экспедиционная команда в составе М. М. Макарецва, Е. С. Узенева (Институт славяноведения РАН), Н. И. Кикило и А. А. Леонтьевой (Институт славяноведения РАН) провела полевое исследование нескольких славянских ареалов Албании по перечисленным темам. Экспедиция состояла из следующих этапов:

- до 20 июля 2021 г. — М. М. Макарецв: предварительное исследование диалекта славян-мусульман (восточный берег Шкодранского озера: сс. Старый Штой, Новый Штой; г. Шкодра);
- 20–24 июля 2021 г. — М. М. Макарецв и Н. И. Кикило: Мюзекее (г. Фиер, сс. Рет-Либофша и Хамиль);
- 26–29 июля 2021 г. — М. М. Макарецв, Н. И. Кикило, А. А. Леонтьева: область Шияка (сс. Бораке и Коджас);
- 29 июля — 5 августа 2021 г. — М. М. Макарецв, Н. И. Кикило, А. А. Леонтьева, Е. С. Узенева: регион Преспа, сс. Долна-Горица, Пустец, Ту-минец, Шулин;
- 9–14 августа 2021 г. — М. М. Макарецв, А. А. Леонтьева, Е. С. Узенева: регион Гора, сс. Борье и Шиштавец.

В настоящей статье мы остановимся на материалах, собранных во время второго и третьего этапа экспедиции. Компактные славяноговорящие со-

¹⁸ Для ряда сообществ следование принципу сокрытия личной информации как таковой не представляется возможным или не имеет смысла с точки зрения этики: например, с несколькими из последних говорящих на славянском диалекте Бобоштицы-Дреновы (Корчанская долина), которые взаимодействовали с исследователями на протяжении десятилетий (личные данные одного из наших информантов были опубликованы в первый раз еще А. Мазоном в 1936 г. и приводятся также в публикациях последних десятилетий, выполненных исследователями из ряда стран). Однако любая информация, которая могла бы навредить информантам независимо от того, насколько легко установить их личность на основе наших материалов, исключалась из записей.

¹⁹ Такие расшифрованные информантами записи затем проходят редактирование специалистом по южнославянской диалектологии.

общества в перечисленных пунктах имеют похожую историческую судьбу и структурно похожие диалекты²⁰.

Славяне-мусульмане Мюзекее являются потомками 114 семей²¹, которые в 1924 г. покинули Санджак (на территории современной Сербии и частично Черногории, район городов Нови-Пазар, Тутин и Съеница) и двумя основными маршрутами — сухопутным и морским (через Стамбул, где часть сообщества осела) переселяются на территорию современной Албании, первоначально в области Эльбасана, а с 1933 г. в Мюзекее (г. Фиер, сс. Дэрменас, Патос, Петова, Рет-Либофша, Хамиль). Представители сообщества упоминают о 2500 потомках переселенцев, которые проживают в Мюзекее в настоящее время, но не все из них владеют славянским диалектом. Их материнский ареал в Санджаке — область распространения новипазарско-съеницких диалектов, входящих в северо-восточную часть зетско-съеницкой диалектной зоны штокавского наречия²².

Население Мюзекее разнородно в этноконфессиональном и языковом плане: помимо носителей севернотосских албанских диалектов региона,

²⁰ По ряду организационных причин семейные интервью с членами этих двух сообществ записать не удалось, поэтому мы располагаем только записями этнолингвистических интервью, опросника «Frog, where are you?» и продолжительными нарративами и меморатами. Общая продолжительность записей из области Шияка составляет почти 16 часов звучащей речи; записей из Мюзекее — 10,5 часа звучащей речи. Из записей, сделанных в каждом регионе, расшифровано ок. 100 000 словоформ.

²¹ Излагается на основе полевых интервью. К сожалению, нам пока не удалось найти архивные документы или научные публикации, посвященные этому сообществу. Они коротко упоминаются в работах *Shehu N., Dizdari I., Duka L. Boshnjakët e Shqipërisë dhe problemet e emigrimit të tyre në fund të shekullit XIX deri në krijimin e shtetit boshnjak // Ardhja dhe integrimi i boshnjakëve në Shqipëri 1875-1999 / red. H. Ваçi. Tirana: Toena, 2001. F. 28-36* и *Stjepanović D. 'Perceived Co-Ethnics' and Kin-State Citizenship in Southeastern Europe // CITSEE Working Paper. 2013. № 26. P. 1-24. [Online]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2388698> (Accessed: 16.12.2021)*. К. Штайнке и Д. Юллы отмечают, что эта группа почти полностью ассимилирована, и не приводят о ней никакой дополнительной информации (*Steinke K., Ylli Xh. Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). Teil 4: Vraka — Borakaj. S. 137*). К. Гизель в работах о части сообщества, оставшейся в Стамбуле, упоминает эту группу (он также посетил регион): *Giesel Ch. Etnički, društveni i sociolingvistički aspekti i stavovi i jezičke karakteristike kod iseljenih Bošnjaka sandžackog porijekla u Istanbulu (Turska) // Drugi simpozij o bosanskom jeziku. Istraživanje, normiranje i učenje bosanskoga jezika — dosadašnji rezultati, potrebe i perspektive. Sarajevo, 12-13. mart 2015 / ured. A. Kalajdžija. Sarajevo: Univerzitet u Sarajevu; Institut za jezik, 2016. S. 563-601; Idem. "We speak a language which sounds a bit funny": Characteristics of the South Slavic Idioms of the Sandžak-Bosniacs in Istanbul (Turkey) // Endangered linguistic varieties and minorities in Italy and the Balkans / ed. by Th. Kahl, M. Genesin, G. Hempel. Vienna: Austrian Academy of Sciences (in print)*.

²² *Ивић П. Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. Нови Сад: Матица Српска, 1956; Барјактаревић Д. Новопазарско-сјенички говори // Српски дијалектолошки зборник. Београд: Српска академија наука и уметности, 1966. Књ. 16: Расправе и грађа / ур. М. Стевановић. С. 1-178; Вельовић Б. Глаголски систем говора Тутина, Новог Пазара и Сјенице — облици и употреба. Докторска дисертација, Крагујевац, 2016.*

здесь также проживают потомки переселенцев из Чамэрии (чамские албанские диалекты), Косова (северо-восточные гегские диалекты), а также аромуны. Языком общения этих групп является стандартный албанский, приближенные к нему структурно и фонологически севернотосские диалекты и переходные формы этого вертикального континуума. Большинство населения — мусульмане (сунниты и бекташи), есть также православные. Интересующее нас славяноговорящее сообщество в культурном плане принадлежит к суннитскому исламу. Их декларируемая идентичность имеет два основных компонента. С одной стороны, происхождение с территории современной Сербии является основой для сербской идентичности, которую подчеркивает культурное объединение «Единство» (серб. *Jedinstvo*) под руководством Экерема Дулевича. Это культурное объединение инициировало открытие курсов сербского литературного языка в сс. Рет-Либофша и Хамиль²³. С другой — информанты, не входящие в это культурное объединение, подчеркивали свою боснийскую/бошняцкую идентичность, связанную как с религиозным фактором, так и с травматическим историческим опытом²⁴. Для славян-мусульман Мюзекяи местное албанское население использует этноним *boshnjak*, *-u -e*²⁵.

Славяне-мусульмане (бошняки) Бораке и Коджаса (область Шияка под Дуррэсом) переселились сюда из центральной Герцеговины в 1870-е годы²⁶ (совр. Босния и Герцеговина, узкая территория на границе между младшими икавскими и восточнбоснийскими диалектами в основном на восток от р. Неретвы: г. Мостар — с. Чапльина — с. Столац²⁷), на которой преобладают икавские говоры центральногерцеговинского типа²⁸, в рамках му-

²³ Курсы в Хамиле были довольно скоро закрыты из-за острой реакции косоварского сообщества.

²⁴ Ряд информантов (как славян-мусульман, так и косоваров) объясняет необходимость переселения из Санджака / Косова в Албанию религиозными и политическими преследованиями их предков в Сербии в 1920-е гг.

²⁵ Это же слово используется в качестве автонима большинством наших информантов (*Bošnjaci*, *bosanski jezik*, также *naš jezik*, *po naše*). Члены культурного объединения «Единство» (серб. *Jedinstvo*) и некоторая часть их ближайших родственников настаивала на использовании этнонима *Srbi*, соответственно, *srpski jezik*, окказионально используя определение *po naše*. По сложившейся в отечественной албанистике традиции, там, где это релевантно, мы приводим албанские лексемы в трех формах: NOM.INDEF (словарная форма), NOM.DEF, NOM.PL.INDEF.

²⁶ Точный год переселения является предметом споров в сообществе, называются 1875 и 1878 гг. К. Штайнке и Д. Юллы отмечают, что переселение, по всей видимости, происходило в несколько этапов, в том числе и в последующие годы. По этимологической легенде, название села Бораке возводится либо к алб. слову *barkë* 'лодка' (так как их предки приплыли сюда на корабле, который потерпел крушение под Дуррэсом), либо к слову *barakë* 'барак' (поскольку первое время они жили в бараках).

²⁷ *Steinke K., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). Teil 4: Vrakë — Borakaj. S. 137.

²⁸ О диалектах материнского ареала см.: *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. С. 132–156 и 175–188; *Ресо А.* Govori istočne i centralne Hercegovine. Sarajevo:

хаджирских миграций (ср. также автоним *madžiri*²⁹, используемый членами сообщества наряду с *bosanci*³⁰). Историю заселения области Шияка славянами прослеживают К. Штайнке и Д. Юллы³¹. По оценкам лидера местного культурного объединения «Лилия» (алб. *Zambak*) Фикрета Кларича, почетного консула Боснии и Герцеговины в с. Бораке, в 2010 г. в этом селе проживало около 220 семей потомков переселенцев³². Если Бораке почти исключительно славянское село, то в с. Коджас (фактически представляющем собой часть Бораке) славяне-мусульмане проживают чересполосно с албанцами. Кроме того, некоторые семьи из этих сел живут в соседних г. Шияк и с. Сукт. Все наши информанты подчеркивают свою бошняцкую идентичность и крепкие связи с Боснией и Герцеговиной, особенно усилившиеся после открытия границ в 1990-м году. По инициативе Ф. Кларича в селе также работают курсы боснийского языка для детей. Помимо сельского хозяйства, часть жителей села работает в г. Дуррэс и в сервисах, обслуживающих автостраду SH2 (Дуррэс — Тирана), которая находится всего в сотне метров от села. Кроме того, в последние десятилетия часть славянского населения мигрировала в страны Западной Европы, прежде всего в Италию.

Аналитические черты в морфосинтаксисе / синтаксисе переселенческих штокавских диалектов (Дуррэс и Мюзекея)

Материал экспедиции показывает ряд особенностей, отражающих аналитизацию морфосинтаксической системы славянских идиомов Албании, в основе которых лежат диалекты, периферийные для балканских языковых инноваций. В настоящей работе мы отмечаем отдельные важные тенденции, заметные уже при предварительном изучении материала экспедиции. Статистический анализ и разграничение структурных изменений аналитического типа, характерных для диалектов материнских ареалов³³, и языко-

Bosansko filozofsko društvo; Akademija nauka i umjetnosti BiH, 2007. (Izabrana djela / Asim Peco; knj. 1.); *Idem*. Ikavskoštakavski govori zapadne Hercegovine. Sarajevo: Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, 1986. (Dijela, 61; Odjelenje društvenih nauka, 35); *Idem*. Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd: Naučna knjiga, 1991. С. 114–115, см. также карту на с. 110.

²⁹ Диалектные примеры приводятся в упрощенной латиничной записи на основе сербохорватской латиницы, отмечается только место ударения, но не его мелодический характер. Имена информантов зашифрованы, упрощенные паспорта информантов приводятся в конце статьи. В текстах, вынесенных в приложение, отмечаются также паузы в долях секунды.

³⁰ Также *bošnjaci*, с автонимами для собственного языка *bosanski jezik*, также *naš jezik*, *po naše*.

³¹ *Steinke K., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). Teil 4: Vraça — Borakaj. S. 137–142.

³² *Ibid.* S. 137.

³³ *Милорадовић С.* Дијахрони и синхрони аспект аналитичких појава у српским народним говорима // Сборник Матице српске за славистику. 2007. Књ. 71–72. С. 357–375.

вых черт, связанных с албанским контактным влиянием, предполагается провести в дальнейших публикациях.

В синтаксисе именной группы возрастает частотность предложно-падежного способа маркирования значений, которые в литературном языке обычно выражаются конструкциями беспредложного управления. Также размывается граница между языковыми оппозициями (например, конструкции со значениями места / направления), что расширяет сферу употребления одного из коррелятов. В качестве примеров можно привести следующие варианты употреблений:

а) расширение использования конструкции *od* + род. п. с посессивным значением общего спектра (происхождение лица или предмета; указание родства): *A bijaše óvo vréme ot smókava* (Bor04, ПМА 95, 2020), *mĭlin od káhve* (Bor28, ПМА 161, 2021), *direktórica od đimnázije* (Bor28, ПМА 162, 2021), *májka od néveste; što se poznáje u tú fámiliju ot stráne od devójke* (Rre04, ПМА 146, 2021); *ovó dédo od májke; Úze sam móju žénu ot nášeg porékla* (Rre06, ПМА 185, 2021); *srína je od amidže žéna* (Pet01, ПМА 146, 2021). Аналогичный процесс отмечается и для других зон славянско-албанского языкового контакта, например, в говоре мрковичей на юге современной Черногории³⁴, и интерпретируется А. Н. Соболевым как результат структурного влияния албанских генитивных конструкций с препозитивным связующим артиклем³⁵. В литературном сербском языке конструкции *od* + род. п. могут использоваться для выражения некоторых атрибутивных отношений и родственных связей. Судя по предварительным наблюдениям за нашим материалом, в переселенческих диалектах происходит количественное и качественное расширение использования этой конструкции. Точнее определить границы этих изменений позволит статистический анализ;

б) для обозначения исходной точки движения, а также происхождения / источника предмета, лица или информации используется сочетание *od* + род. п.; характерная для этих значений предложно-падежная конструкция *iz* + род. п. встречается значительно реже: *Ne izlázi ot kúće, ot sóbe* (Rre04, ПМА 146, 2021); *avokát štó je ot Slovénije* (Rre04, ПМА 160, 2021); *Ovó je od Sándžak*; [NK: *A iz čéga ste učili?*] *Ot rádie, ot televízie* (Rre06, ПМА 185, 2021); [MM: *A imate vášega ódžu támo, u džámiju?*] *Ón je ód nas u... od Bósne* (Bor04, ПМА 95, 2020). Мы предполагаем, что здесь также прослеживается влияние албанского языка: совпадение значений исходной точки движения (элатив) и источника у предлога *nga* 'от; из' и возможность использования в ряде соответствующих контекстов аблатива-*rrjedhore*;

³⁴ Морозова М. С., Русаков А. Ю. Черногорско-албанское языковое пограничье: в поисках «сбалансированного языкового контакта» // *Slovéne. International Journal of Slavic Studies*. 2018. Vol. 7. № 2. С. 265-266. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2018.7.2.10>

³⁵ Соболев А. Н. Заметки о падежных системах сербохорватских говоров контактных зон // *Јужнословенски филолог*. 1990. № 41. С. 16-19.

в) неразличение значений направления и места в конструкциях с предлогами *u/na* + вин. п. и *u/na* + мест. п.: *běše otišla da šéta u Aljásku; Mója májka bila u škólu* (Pet01, ПМА 146, 2021); *já sam rúski naučio za vólju u škólu; Svúgđe, svúgđe je bilo drugácie, a u Albániju; Já sam óstao nájstarii sád u kúću* (Rre06, ПМА 185, 2021); *Ni u Patós néma* (Rre04, ПМА 160, 2021); *U Ítaliju su mi dvá... trí sína i đévojka u Ítaliji; Póšli da ídu u Túrskoj* (Bor17, ПМА 166, 2021). Стертость границ в оппозиции место / направление характерна для многих штокавских говоров, находящихся в контакте с албанским, в том числе для новопазарско-сьеницких материнского ареала³⁶. В какой мере неразличение направления и места продолжают ситуацию, характерную для материнских ареалов (прежде всего в случае переселенческого диалекта Мюзекей), а в какой продиктованы влиянием албанского языка, покажет дальнейший статистический анализ и сравнение наших записей и опубликованных материалов по материнским ареалам;

г) использование предлога *s(a)* + твор. п. в контекстах, характерных для беспредложного инструментала: *od Stámbola su dóšli u Vljóru s bródom; prófesor što se bávi sa istórijom; íma ljúdi, se bávu sa foljkljórom* (Rre06, ПМА 185, 2021), что также имеет структурное соответствие в албанском, где в отсутствие инструментала используется предложная конструкция *me* 'с' + вин. п.³⁷;

д) предложно-падежная конструкция *na* + вин. п. маркирует адресат наряду с беспредложным дативом: *Da stávimo íme na dète málo* (Rre04, ПМА 146, 2021)³⁸; *Da prikáže na njú, tó je mílo na njú ... zašo óna je devójka; Dá poverúješ na njéga; Óna víka na méne ága* (Rre04, ПМА 185, 2021); *Štá bi se nósilo na právo dijéte...* (Bor18, ПМА 166, 2021);

е) использование предлога *u* + род. п. вместо предлога *kod* при указании на направление движения в сторону какого-либо лица или нахождение на его территории, регулярно встречается у информантов из области Шияка: *táko sam jédnu nóć u séstre ótišo na věčeru* (Bor15, ПМА 164, 2021); *U nédjelju se ženili, u ponédjeljak ótišla u májke; Ón će óstaviti rád pa da dóđe ú mene na vesélju* (Bor16, зап. 166); *sin sínovski, što će dóć sád da rúče ú mene* (Bor17, ПМА 166, 2021);

ж) употребление двойных предлогов при обозначении направления³⁹ или временного интервала: *Pa móžda i trí dána je bílo. Ot četvrtak od do u nedélju* (Rre04, ПМА 185, 2021); *ídeš za u grádu ali u tój něšto máalo daléko to;*

³⁶ См.: Баряктаревић Д. Новопазарско-сьенички говори... С. 120.

³⁷ Аналогичные конструкции отмечаются в центральногерцеговинских диалектах (Ресо А. Govori istočne i centralne Hercegovine. С. 349); их использование в переселенческом диалекте требует отдельного рассмотрения.

³⁸ Ср. аналогичное предложение с дат. п.: *Da túrimo íme detétu* (Pet01, ПМА 146, 2021).

³⁹ Употребление двойных предлогов *za u* + вин. п при глаголах движения встречается также в говорах материнских ареалов: *Spremat se za u selo*, см.: Баряктаревић Д. Новопазарско-сьенички говори... С. 121.

idem za u Némačku u Berlínu kod sína (Rre04, ПМА 160, 2021), также имеющее структурное соответствие в албанском (ср. *për në qytet, për në Gjermani*)⁴⁰.

Для переселенческих штокавских диалектов Албании характерна местоименная реприза дополнения в виде сочетания клитики и ее полной формы: *Kat se mój dájo ožénio, pričó mi je i meni i séstri mójoj* (Vor16, ПМА 166, 2021); *Još za štá ve vás interesúje, štó bi da popíjete něšto? A méne me zaníma, tí sípski govóriš fíno* (Rre06, ПМА 185, 2021); *Eto tí pošálji méne iméjl, samo mi dáj méjl mene da ti pošáljem* (Rre01, ПМА 33, 2013). Двойное маркирование объекта встречается во многих штокавских диалектах⁴¹, где зависит от актуального членения предложения или наличия эмфазы. Границы этого явления и возможное влияние со стороны албанского языка (где также есть местоименная реприза) предполагается рассмотреть подробнее на материале корпуса.

В речи информантов привлекают внимание нерегулярные отступления от фиксированного порядка клитических элементов в предложении, характерного для говоров материнских ареалов. Клитики не занимают позицию после первого ударного элемента в синтагме, а примыкают к глагольной группе и меняют изначально жестко фиксированный порядок в цепочке: *Dóbar dán, májko, káko si, si se razbúdila, zdrávo i živo* (Rre04, ПМА 160, 2021); *I da né se poznáje, prímer, támo, pred zéta* (Rre04, ПМА 146, 2021); *Kér i óvde déte málo. I ón vídi káko íma óči i mi ti gléda žábu* (Rre04, ПМА 186, 2021); *Králj Zógu je pogínuo mi se číni... jer pobégo od Albánije* (Rre01, ПМА 33, 2013); *Kad je bílo Itálija, kad se raspúštílo, mi je písála májka méni* (Pet01, ПМА 146, 2021). Отметим, что показатель условного наклонения *bi* (грамматикализованный в качестве неизменяемой формы для других форм лица и числа; исходно форма 3.Sg вспомогательного глагола *biti* «быть») может встречаться в инициальной позиции в утвердительных предложениях⁴²: [NK: *Štá bi mu se désilo?*] *Pa, bi se désilo tó, prímer, ide mu céla gódina mu ide bédno* (Rre04, ПМА 160, 2021); *Zími níje ímalo prévos. Bi otíšli péši* (Rre04, ПМА 146, 2021); *E. Mí... mí je sašíli málo táme váme, bi je túrili málo*

⁴⁰ Обозначения дней недели в албанском исторически представляют собой субстантивированные генитивные формы и включают в себя связующий препозитивный артикль (ср. *e dielë* [НОМ.ИНДЕФ] «воскресенье»), склоняемый в косвенных падежах (*të dielën* [АСС.ДЕФ] «в воскресенье»; *deri të dielën* «до воскресенья»). Мы предполагаем, что использование двух предлогов в конструкциях типа *do u nedëlju* можно рассматривать как результат генерализации штокавской предложно-падежной конструкции с предлогом *u* как формы общего косвенного падежа и ее использование с другими предлогами. Корпус славянских диалектов Албании позволит проверить эту гипотезу.

⁴¹ Например, *Ibid.*, С. 112; *Ивић П. Дијалектологија српскохрватског језика. С. 164; Милорадовић С. Дијахрони и синхрони аспект... С. 366-367.*

⁴² Это отмечается также в говорах материнского ареала *Барјактаревић Д. Новопазарско-сјенички говори... С. 120. Вельовић Б. Глаголски систем говора. С. 372-382.*

ódenake, pamúk ose víne; Óni bi mu kúpili jédan kostúm. Bi mu kupili i bi zóvnuli jédnu večéru (Pet01, ПМА 146, 2021). Наиболее регулярные нарушения правила расположения клитических элементов в цепочке встречаются в идиолекте одного информанта из с. Пет-Либофша (Rre04), чей индивидуальный языковой опыт, с его слов, включал в себя продолжительный контакт с носителями юго-восточных македонских диалектов.

Употребление аналитической *da*-конструкции на месте форм инфинитива (как после модальных и неполнозначных глаголов со значением побуждения, желания, долженствования, так и в составе форм будущего времени типа *će + da +* настоящее время, которые конкурируют с вариантом *će +* инфинитив) встречается как в материнских ареалах⁴³, так и в переселенческих штокавских диалектах: *káko ću da zaborávim; Hóš da trážiš múža vámo kód nas?; Svěkrva je ostávi da šedí, ne dá joj da rádi* (Pet01, ПМА 146, 2021); *sámo rúski smo mógli da pričámo; Mórao e da púšti zémlju; Ví ne mórete da sfátíte kákaf je bio život u Albániju; A óna naučila, bila u škólu, mórala da naući; Tréba da se pážim, ima púno ljúdi i néko će iskazát něšto* (Rre06, ПМА 185, 2021); *Já ću vas upóznat s ónim stárim čóvjekom; tréba čóvjek da ćuva sébe; Talijáni neće da ráde tó, i ómladina náša radi, náša ómladina óće da žívi* (Bor16, ПМА 166, 2021). Предварительное исследование⁴⁴ на основе речи трех информантов из с. Пет-Либофша показывает радикальное сокращение использования инфинитива (в выборке из 10 000 словоформ, ок. 1,5 часов): если в материнском ареале он используется довольно часто⁴⁵, то в переселенческом диалекте он оказался замещен *da*-конструкциями почти во всех случаях и встретился всего два раза, оба в петрифицированной конструкции *móre bit* «может быть».

Заключение

Записи экспедиции 2021 г., сделанные в областях Шияк и Мюзекя, где компактно расселены носители переселенческих штокавских диалектов из Санджака и области Мостара, показывают значительное влияние албанского языка в области морфосинтаксиса и синтаксиса. Прежде всего заметна анализация морфосинтаксической системы диалектов, что на структурном уровне сближает их с языками балканского типа. Иными словами, собранные нами материалы позволяют наблюдать за балканизацией исходно не-балканских славянских диалектов.

⁴³ Барјактаревић Д. Новопазарско-сјенички говори... С. 103-104; Вельовић Б. Глаголски систем говора... С. 387-419; в обеих работах отмечается, что инфинитив является продуктивной формой в новопазарско-сценичких говорах и замещение *da*-конструкцией происходит медленнее, чем в других сербских диалектах.

⁴⁴ Makartsev M. Infinitive reduction... P. 45-60.

⁴⁵ Хотя и имеет слабую тенденцию к замещению *da*-конструкциями, как показало сравнение диалектных записей из Санджака 1940-1950-х гг. и 2010-х гг.

Изменения в структуре диалектов носят как качественный, так и количественный характер. С одной стороны, под влиянием албанского языка расширяется набор контекстов, в которых возможно употребление структур, регистрируемых также в диалектах материнских ареалов, а также возникают новые структуры. С другой — при наличии синонимичных конструкций в материнских ареалах варианты, поддерживаемые албанской языковой системой, становятся основными, а не поддерживаемые — вытесняются и значительно сокращают частоту употребления. Наблюдаемые тенденции предполагается в дальнейшем проследить на основе корпуса славянских диалектов Албании.

Приложение

Образцы текстов

1. Кукушка (ПМА 160, 2021)

Rre04: Kukávica dá.

MM: Kád, (0.9) kád je čúješ za prvi pát, prvi pút u próljeće?

Rre04: U próljeće u pét máj. <...>

MM: Šta moraš (0.4) da uradiš?

Rre04: Paa, u péti máj tó mu ne (0.3) óna ókolu (0.5) sédam sáati (0.4) óna počne da, da kúka.

MM: Újutru ili úveče?

Rre04: Od... Újutru. I pósle cíó dán. (0.9) í pósle drúgi dán áli, ónaj dán... Óna štó zná prímerno (0.6) štá tréba da káže kukávica, (0.9) óna májka štó je zdráva i dóbra u pámet... Óna (1.1) stáne ot sána od četiri sáti u sábah. Te prigotóvi něšto (0.7) da se ránu, (0.7) uštípke áli štá móže prímerné něšto mu né (0.6) dóbro i lésno to da, da ráni fámilu, da ráni décu. I da káže štó, „Da né te uhváti óna kukávica gláden”. Kukávica gláden.

MM: I na vaše bi se réklo óvako da ne te ufáti kuká- kukávica?

Rre04: Da si, da ímaš trǔbu púno. I (0.4) tó váži pósle, tó váži pósle za célu gódinu (0.5) zášto tí, tí si gónio kukávicu. Nek- stojí óna, óna takó nek-, néka kúka óna <npзб> (0.3) u drǔvce ali gdé óna cíó dán néka kúka óna. Já sam, já ímam trǔbuh púno. (0.7) Jéo sam. Razúmiš?

MM: A da li bi se réklo, kad si pójeo, kad si čúo kukávicu, da li bi se réklo něšto ónoj kukávici?

Rre04: Pa nékoj (0.4) príča prímerné, „Ájde, (0.8) da lípšeš”, prímerné, „támo u zémli’u”, áli „u drǔvo”. „Já sam se najéo”.

MM: Ájde da lípšeš.

Rre04: Da lípšeš, dá. <...>

MM: Áko čóvjek nije ništa jéo ali je čúo kukávicu pétoga mája. Štá bi to znáčilo?

NK: Štá bi mu se désilo?

Rre04: Paa, bi se désilo tó, prímerné, íde mu (1.0) céla gódina, mu íde bédno.

MM: Mhm, céla gódina bédno.

Rre04: Dá, céla gódina mu ide bédno. Íde prímer u póso, ide cío dán, tó, ón stojí gláden. Néma, né, né mu se náde u kúcu, u stán, néma (0.4) jádenje, néma (0.8) jélo, néma níšta. Zašto óna (0.6) dónila mu (0.7) bédnici. U kúcu.

2. Гадание на картах (ИМА 164, 2021)

Bor15: Né, táko sam jédnu nóč u séstre ótišo na večeru, da sjédim u séstre, zájedno z žénom, i jédemo, pijemo (0.6) úvečer, i réče mi séstra, „hóš mi vídat“, káe, „jédnom kárte?“ „Nóč nam níje dóbra da vídimo na kárte“. Kat je nóč, (0.6) né treba da ótváraš kárte.

MM: Ne' treba šta'?

Bor15: É. Kárte, kárte, štó sam glédao ná karte, znáš? É. I óna me móli „Néću, mój, záspat, nísi mi níkad méni otvório“. „Pa némoj mo-, mólim tébe, níje dóbro, nóč je“. Níje dóbro. Ód ne otvóriše se prví pút, ne otvóriše se drúgi pút, tréci pút, néče, tréci pút se, tó je, níje dóbro kad se ótvoru. (2.7) Vídi, vídi, vídi, glédaj, glédaj, glédaj, glédaj, glédaj, gle-, i já vídeo, znáš? I ódma prva kárta ízađe smrt. Da će úmret néko (0.4) brízo, znáš? Ódma prva kárta. Já joj kážem, „vídi bré, stóga néću da ótvaram móre“. „Níje s naše stráne da će úmret néko, sa, od čóvka, čóveka tvóga, úmreće néko“, od njégovíje. S naše stráne néče úmret. I (0.6) blízu je (0.25) ná sat da će úmret“. Mí smo šédili tú do, kólko, dvá (0.7) pónoći, dvá sáta. Kúci kósa čétri, čétri i po, úmro mu, brát bijáše (0.7) zétu. Brát. I kážem njój, kážem, „bólje da nísam glédao“.

3. Граница (ИМА 160, 2021)

Bor28: Táki je sístem bío, ódeše do dvánes, na gránicu u Bóžaj, ízlazi ((0.4)) mója májka. „Séstra váša, támo dájdžija, séstra váša, évo, ód boga dóšlo“, réko, „nákon pét gódina iz hárema, iz zémlje da se dížeš, pá da se sástanete“, trídését i tréće gódine rástaju se, sát je sedamdését i ósma“, četóres i pet gódina nísu se vídali. Í pét kófera (1.4) nápunili mí své na ovámo, trí čúvála, vréče vi réknete, nápunili, pedését bóca ováko „Skénderbega“, pedését bóca, já rákíje „Maskát“, trí lítra u Dájtu u Tiránu. Tú je bílo nó... tú je bílo sámó za turísta, jók, jók za drúgíje, to je sád sámó za turísta bílo. Da odnésem óno své što je nájljefše, da né reknu, „Éto cigáni dóšli iz Álbáníje, glédaju da im se něšto dáadne“. A nísмо cigáni, já sam, (1.0) kážem ti, u svákóm sam džépu ímo pára, já čétri pét zanáta vázda, sámó nék pródem váko, néko će me zóvne „hájd otkíni jédan džám, stáкло“, „háj nápravi bráve“, „háj onó“, ja sam svášta, „háj strúju“, šta gód hóčeš, zlátne rúke, vjéruj, zlátne rúke. I óni se óno prébroše, potpísaše, i kážu, „Sát métnite náko káko su bíle, sad né mere se óno narédít, óno je bílo své“. (0.4) Íme, prézíme, óno kó gléda óno je zápetljano bílo, „um- úmetnite táko, pa nek rádu támo štá gód hóče“. Dódoše dvíje žéne, jámiše májku mi, zatvóriše se u jédnu sóbu. Ízađe májka hódera káže méni, „Ha, já néću íci!“ „Štá bóna príčaš?“ „Néma šanse da ídem, u zémľu púkni, zatrpaj me ódma, já néću otíci“. „Pa k- štá je káko je nib-“. Néče da káže níkako, néče da káže níkako, sáhat čekáli. „Ónda“, réko, „sád cémo názad“, réko, „pá cémo se úbit i já i tí u pútu támoka“, réko.

Информанты

Код	Пол	Год рожд.	Место рождения	Место проживания	Образо- вание	Род деятельности
Bor04	М	1935	Borake	Borake	3 класса	работник порта, сейчас на пенсии
Bor15	М	1957	Borake	Sukth	7 классов	музыкант
Bor16	М	1949	Borake	Sukth	7 классов	разнорабочий, строитель
Bor17	F	1949	Borake	Sukth	7 классов	крестьянка
Bor18	М	1969	Borake	Sukth	7 классов	работник порта
Bor28	М	1947	Borake	Sukth	7 классов	авторемонтник, отельер
Pet01	F	1940	Petovë	Hamil	4 класса	крестьянка
Rre01	М	1968	Rreth Libofsha	Rreth Libofsha	среднее	бизнесмен
Rre04	М	1957	Rreth Libofsha	Rreth Libofsha	7 классов	строитель, разнорабочий
Rre06	М	1951	Rreth Libofsha	Fier	7 классов	бизнесмен

Источники

- ПМА 33, 2013: М. М. Макарецв. Полевые материалы автора, с. Рет-Либофша. История села, мемораты, народная мифология, свадьба. Запись 33, 2013 г.
- ПМА 95, 2020: М. М. Макарецв, А. Вянянен, Н. Мухайм. 2020. Полевые материалы автора, с. Бораке. История села, мемораты, народная мифология, свадьба. Запись 95, 2020 г.
- ПМА 146, 2021: М. М. Макарецв, Н. И. Кикило 2021. Полевые материалы авторов, с. Хамиль. Мемораты, народная мифология, свадьба, родинная обрядность, кукушка. Запись 146, 2021 г.
- ПМА 160, 2021: М. М. Макарецв, Н. И. Кикило 2021. Полевые материалы авторов, с. Рет-Либофша. Кукушка. Запись 160, 2021 г.
- ПМА 161, 2021: М. М. Макарецв, Н. И. Кикило 2021, 2021 г. Полевые материалы авторов, с. Сукт. Воспоминания. Запись 161, 2021 г.

- ПМА 162, 2021: М. М. Макарецв, Н. И. Кикило 2021. Полевые материалы авторов, с. Сукт. Воспоминания. Запись 162, 2021 г.
- ПМА 164, 2021: М. М. Макарецв, Н. И. Кикило 2021. Полевые материалы авторов, с. Сукт. Луна. Свадьба. Запись 164, 2021 г.
- ПМА 185, 2021: М. М. Макарецв, Н. И. Кикило 2021. Полевые материалы авторов, г. Фиер. История сообщества славян-мусульман Мюзекки, воспоминания, свадьба. Запись 185, 2021 г.
- ПМА 186, 2021: М. М. Макарецв, Н. И. Кикило 2021. Полевые материалы авторов, г. Фиер. История сообщества славян-мусульман Мюзекки, воспоминания. Запись 186, 2021 г.

Литература

- Барјактаревић Д.* Новопазарско-сјенички говори // Српски дијалектолошки зборник. Београд: Српска академија наука и уметности, 1966. Књ. 16: Расправе и грађа / ур. М. Стевановић. С. 1–178.
- Вельовић Б.* Глаголски систем говора Тутина, Новог Пазара и Сјенице — облици и употреба. Докторска дисертација, Крагујевац, 2016.
- Голоборда (Gollobordë), Албанија. Из материјалов балканској експедицији РАН и СПбГУ, 2008–2013 / под ред. А. А. Новика, А. Н. Соболева. СПб.: Наука; München: Otto Sagner, 2013. (Materialen zum Südosteuropasprachatlas, 6.)
- Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. Нови Сад: Матица Српска, 1956.
- Макарецв М. М.* Глаголни вид в македонском дијалекте Бобоштици-Дренови и албанско-славјанские контакти // *Biblioteca di Studi Slavistici* (в печати).
- Макарецв М. М.* Этюды к балканскому бестиарию: кукушка // *Живая старина*. 2017. Т. 95. № 3. С. 46.
- Макарецв М. М.* Язык славян-мусульман Эльбасана: постановка вопроса // *Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность* / отв. ред. Е. С. Узенева. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 197–214.
- Милорадовић С.* Дијахрони и синхрони аспект аналитичких појава у српским народним говорима // *Зборник Матице српске за славистику*. 2007. Књ. 71–72. С. 357–375.
- Морозова М. С., Русаков А. Ю.* Черногорско-албанское языковое пограничье: в поисках «сбалансированного языкового контакта» // *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 2018. Vol. 7. №. 2. С. 258–302. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2018.7.2.10>
- Новик А. А., Резван Е. А.* Ислам на Балканах: учебное пособие. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2019. Ч. 1: Обряды перехода и семейная обрядность: рождение, обрезание.
- Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2009.
- Соболев А. Н.* Заметки о падежных системах сербохорватских говоров контактных зон // *Јужнословенски филолог*. 1990. № 41. С. 13–28.

- Чѣха О. В.* Новогреческая лексика народной астрономии в сопоставлении с балканославянской: Луна и лунное время (этнолингвистический аспект): автореферат дис. ... канд. фил. наук. М., 2009.
- Hentschel G., Zeller J.-P.* Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien // Wiener Slawistischer Almanach. 2012. № 70. С. 127–155.
- Giesel Ch.* “We speak a language which sounds a bit funny”: Characteristics of the South Slavic idioms of the Sandžak-Bosniacs in Istanbul (Turkey) // Endangered linguistic varieties and minorities in Italy and the Balkans / ed. by Th. Kahl, M. Genesis, G. Hempel. Vienna: Austrian Academy of Sciences (in print).
- Giesel Ch.* Etnički, društveni i sociolingvistički aspekti i stavovi i jezičke karakteristike kod iseljenih Bošnjaka sandžačkog porijekla u Istanbulu (Turska) // Drugi simpozij o bosanskom jeziku. Istraživanje, normiranje i učenje bosanskoga jezika — dosadašnji rezultati, potrebe i perspektive. Sarajevo, 12–13. mart 2015 / ur. A. Kalajdžija. Sarajevo: Univerzitet u Sarajevu; Institut za jezik, 2016. S. 563–601. (= Posebna izdanja, knj. 24.)
- Labov W.* Field methods of the project on linguistic change and variation // Language in use: Readings in sociolinguistics / ed. by J. Baugh, J. Sherzer. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1984. P. 28–53.
- Makartsev M.* Infinitive reduction in a migrant Shtokavian dialect in Albania: Language contact supporting Balkanization // Linguistica Copernicana. 2021. № 18. P. 45–60. <https://dx.doi.org/10.12775/LinCop.2021.003>
- Mayer M.* Frog, where are you? Sequel to A boy, a dog and a frog. New York: Dial Books for Young Readers, 1969.
- Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Ethics guidelines [Online]. URL: <https://www.eva.mpg.de/linguistics/past-research-resources/resources/ethics-guidelines/> (Accessed: 17.12.2021).
- Peco A.* Govori istočne i centralne Hercegovine. Sarajevo: Bosansko filozofsko društvo; Akademija nauka i umjetnosti BiH, 2007. (Izabrana djela / Asim Peco; knj. 1.)
- Peco A.* Ikavskoštokavski govori zapadne Hercegovine. Sarajevo: Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, 1986. (Dijela, 61; Odjelenje društvenih nauka, 35)
- Peco A.* Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd: Naučna knjiga, 1991.
- Schirmunski V.* Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten // Germanistisch-Romanische Monatsschrift. 1930. № 18. S. 113–122; 171–188.
- Shehu N., Dizdari I., Duka L.* Boshnjakët e Shqipërisë dhe problemet e emigrimit të tyre në fund të shekullit XIX deri në krijimin e shtetit boshnjak // Ardhja dhe integrimi i boshnjakëve në Shqipëri 1875–1999 / red. H. Baçi. Tirana: Toena, 2001. F. 28–36.
- Steinke K., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SDA). München: Otto Sagner, 2007. Teil 1: Prespa — Vërnik — Boboshtica.
- Steinke K., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). München: Otto Sagner, 2008. Teil 2: Golloborda — Herbel — Kërçishti i Epërm.
- Steinke K., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). München: Otto Sagner, 2012. Teil 3: Gora.
- Steinke K., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). München: Otto Sagner, 2013. Teil 4: Vraka — Borakaj.

Stjepanović D. 'Perceived Co-Ethnics' and kin-state citizenship in Southeastern Europe // CITSEE Working Paper. 2013. № 26. P. 1–24. [Online]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2388698> (Accessed: 16.12.2021). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2388698>

References

- Barjaktarević, D., 1966. Novopazarsko-sjениčki govori [The Novi Pazar–Sjenica Dialects]. In: M. Stevanović, ed., 1966. *Srpski dijalektološki zbornik* [Serbian Dialectological Miscellany]. Belgrade: Srpska akademija nauka i umetnosti. Vol. 16: *Rasprave i građa* [Discussions and materials], pp. 1–178.
- Chěkha, O. V., 2009. *Novogrecheskaia leksika narodnoi astronomii v sopostavlenii s balkanoslavianskoi: Luna i lunnoe vremia (etnolingvističeskii aspekt)* [The Greek Lexis of the Folk astronomy Compared to Balkan Slavic: The Moon and the Lunar Time (an Ethnolinguistic Aspect)]. Avtoreferat dis. ... kand. fil. nauk. Moscow: Institute of Slavic Studies.
- Hentschel, G., Zeller, J.-P., 2012. Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien. *Wiener Slawistischer Almanach*, 70, pp. 127–155.
- Giesel, Ch., (in print). “We speak a language which sounds a bit funny”: Characteristics of the South Slavic idioms of the Sandžak-Bosniacs in Istanbul (Turkey). In: Th. Kahl, M. Genesin, G. Hempel, eds, (in print). *Endangered linguistic varieties and minorities in Italy and the Balkans*. Vienna: Austrian Academy of Sciences.
- Giesel, Ch., 2016. Etnički, društveni i sociolingvistički aspekti i stavovi i jezičke karakteristike kod iseljenih Bošnjaka sandžачkog porijekla u Istanbulu (Turska). In: A. Kalajdžija, ed., 2016. *Drugi simpozij o bosanskom jeziku. Istraživanje, normiranje i učenje bosanskoga jezika — dosadašnji rezultati, potrebe i perspektive. Sarajevo, 12–13. mart 2015*. Sarajevo: Univerzitet u Sarajevu; Institut za jezik, pp. 563–601. (= Posebna izdanja, knj. 24.)
- Ivić, P., 1956. *Dijalektologija srpskohrvatskog jezika. Uvod i štokavsko narečje* [The Dialectology of Serbo-Croatian. An Introduction and Shtokavian Dialectal Area]. Novi Sad: Matica Srpska.
- Labov, W., 1984. Field methods of the project on linguistic change and variation. In: J. Baugh, J. Sherzer, eds, 1984. *Language in use: Readings in sociolinguistics*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, pp. 28–53.
- Makartsev, M. M., 2017. Etiudy k balkanskomu bestiariuu: kukushka [To the Balkan bestiary: A Cuckoo]. *Zhivaia starina*, 95 (3), p. 46.
- Makartsev, M. M., (in print). Glagol’nyi vid v makedonskom dialekte Boboshtitsy-Drenovy i albansko-slavianskie kontakty [The Verbal Aspect in the Macedonian Dialect of Boboshtica-Drenova and Albanian-Slavic Contacts]. *Biblioteca di Studi Slavistici*.
- Makartsev, M. M., 2014. Iazyk slavian-musul’man El’basana: postanovka voprosa [The language of Muslim Slavs in Elbasan: Posing a Question]. In: E. S. Uzenëva, ed., 2014. *Slaviane-musul’mane na Balkanakh: iazyk, kul’tura, identichnost’* [Muslim Slavs in the Balkans: Language, Culture, Identity]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 197–214.

- Makartsev, M., 2021. Infinitive reduction in a migrant Shtokavian dialect in Albania: Language contact supporting Balkanization. *Linguistica Copernicana*, 18, pp. 45–60. <https://dx.doi.org/10.12775/LinCop.2021.003>.
- Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. *Ethics guidelines* [Online]. Available at: <https://www.eva.mpg.de/linguistics/past-research-resources/resources/ethics-guidelines/> (Accessed: 17.12.2021).
- Mayer, M., 1969. *Frog, where are you? Sequel to A boy, a dog and a frog*. New York: Dial Books for Young Readers.
- Miloradović, S., 2007. Dijahroni i sinhroni aspekt analitičkih pojava u srpskim narodnim govorima [Diachronic and Synchronous Aspect of Analytical Phenomena in Serbian Popular Dialect]. *Review of Slavic Studies Published by Matica srpska*, 71–72, pp. 357–375.
- Morozova, M., Rusakov, A., 2018. Chernogorsko-albanskoe iazykovoe pogranič'e: v poiskakh "sbalansirovannogo iazykovogo kontakta" [Montenegrin-Albanian linguistic border: In search of "Balanced Language Contact"]. *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 7 (2), pp. 258–302. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2018.7.2.10>
- Novik, A. A., Rezvan, E. A., 2019. *Islam na Balkanakh: uchebnoe posobie* [Islam in the Balkans: A tutorial]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. Part 1: *Obriady perekhoda i semeinaia obriadnost': rozhdenie, obrezanie* [Rites of Passage and Family Rituals: Birth, Circumcision].
- Novik, A. A., Sobolev, A. N., eds, 2013. *Goloborda (Gollobordë), Albaniia. Iz materialov balkanskoi ekspeditsii RAN i SPbGU, 2008-2013* [Goloborda (Gollobordë), Albania. From the materials of the Balkan expedition of the Russian Academy of Sciences and St. Petersburg State University, 2008–2013]. Saint Petersburg: Nauka; Munich: Otto Sagner. (Materialen zum Südosteuropasprachatlas, 6.)
- Peco, A., 2007. *Govori istočne i centralne Hercegovine*. Sarajevo: Bosansko filozofsko društvo; Akademija nauka i umjetnosti BiH, 2007. (Izabrana djela / Asim Peco; kj. 1.)
- Peco, A., 1986. *Ikavskoštakavski govori zapadne Hercegovine*. Sarajevo: Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. (Dijela, 61; Odjelenje društvenih nauka, 35.)
- Peco, A., 1991. *Pregled srpskohrvatskih dijalekata*. Belgrade: Naučna knjiga.
- Plotnikova, A. A., 2009. *Materialy dlia etnolingvističeskogo izučeniia balkanoslavianskogo areala* [Materials for ethnolinguistic study of the Balkan Slavic area]. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN.
- Schirmunski, V., 1930. Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten. *Germanistisch-Romanische Monatschrift*, 18, pp. 113–122; 171–188.
- Shehu, N., Dizdari, I., Duka, L., 2001. Boshnjakët e Shqipërisë dhe problemet e emigrimit të tyre në fund të shekullit XIX deri në krijimin e shtetit boshnjak. In: H. Baçi, ed., 2001. *Ardhja dhe integrimi i boshnjakëve në Shqipëri 1875–1999*. Tirana: Toena, pp. 28–36.
- Sobolev, A. N., 1990. Zametki o padezhnykh sistemakh serbokhorvatskikh govorov kontaktnykh zon [Notes About the Case Systems of Serbo-Croatian Dialects of the Contact Zones]. *Južnoslovenski filolog*, 41, pp. 13–28.

- Steinke, K., Ylli, Xh., 2007. *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SDA)*. München: Otto Sagner. Teil 1: *Prespa — Vërnik — Boboshtica*.
- Steinke, K., Ylli, Xh., 2008. *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA)*. München: Otto Sagner. Teil 2: *Golloborda — Herbel — Kërçishtit i Epërm*.
- Steinke, K., Ylli, Xh., 2012. *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA)*. München: Otto Sagner. Teil 3: *Gora*.
- Steinke, K., Ylli, Xh., 2013. *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA)*. München: Otto Sagner. Teil 4: *Vraka — Borakaj*.
- Stjepanović, D., 2013. 'Perceived Co-Ethnics' and kin-state citizenship in Southeastern Europe. *CITSEE Working Paper 26*, pp. 1–24. [Online]. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2388698> (Accessed: 16.12.2021). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2388698>
- Veljović, B., 2016. *Glagolski sistem govora Tutina, Novog Pazara i Sjenice — oblici i upotreba* [The verbal system of the dialect of Tutin, Novi Pazar, and Sjenica: Forms and their use]. Doktorska disertacija. University of Kragujevac; Faculty of Philology and Arts.